

Къ дѣлу Максима Горькаго.

Въ русскую печать изъ-заграничныхъ источниковъ проникли невѣрные свѣдѣнія о томъ, будто дѣло М. Горькаго петербургской судебной палатою прекращено.

Изъ достовѣрнаго источника мы только что узнали, что знаменитому писателю вручена копія обвинительнаго акта по предъявленному къ нему прокурорскимъ надзоромъ обвиненію въ государственномъ преступленіи и что защитникомъ обвиняемаго прис. пов. О. О. Грузенбергомъ только что подано въ палату прошеніе, въ самыхъ краткихъ чертахъ сводящееся къ слѣдующимъ положеніямъ.

Обращаясь къ вопросу о составѣ преступленія, г. Грузенбергъ заявляетъ, что предъявленное къ писателю обвиненіе является крупной судебной ошибкой, обусловленной невѣрнымъ толкованіемъ со стороны прокурорскаго надзора ясныхъ постановленій новаго уголовного уложенія и непонятнымъ изъятіемъ изъ дѣла цѣлаго ряда разясняющихъ показаній разныхъ лицъ. Рядомъ юридическихъ соображеній защитникъ устанавливаетъ, что примѣненіе къ А. М. Пѣшкову 1 п. 132 ст. угол. улож. возможно лишь тогда и постольку, когда и поскольку установлено, что вполнѣ законченное воззваніе передано другому для набора, переписки или размноженія какимъ-либо инымъ путемъ.

Все это мнимое „воззваніе“, какъ видно изъ его буквального текста, есть ничто иное, какъ отчетъ литераторовъ и ученыхъ, входившихъ въ составъ депутаціи 8 января. Въ немъ излагается только, какъ члены депутаціи обращались въ ночь съ 8 на 9 января с. г. къ министрамъ, прося ихъ предотвратить предстоящее на утро неизбежное кровопролитіе при столкновеніи рабочихъ съ войсками, а затѣмъ излагался отвѣтъ министровъ и описаніе событій 9-го января въ Петербургѣ.

А. М. Пѣшковъ, допрошенный въ качествѣ обвиняемаго, признавая себя виновнымъ, объяснилъ, что записку онъ составилъ безъ вѣдома прочихъ членовъ депутаціи и предполагалъ распространить ее лишь въ томъ случаѣ, если бы эти лица одобрили ея содержаніе, что подтверждается свидѣтельскими показаніями.

Осмотромъ этой рукописи установлено, что на поляхъ ея имѣются замѣтки, сдѣланныя рукою присяжнаго повѣреннаго Е. П. Кедрина и другого лица. Прис. пов. Кедринъ въ самомъ началѣ рукописи отмѣтилъ слѣдующее: „Надо раздѣлить отчетъ о вечерѣ 8-го января отъ 9-го“. Такое же требованіе заявилъ и писатель А. В. Пѣшеховъ; остальные же члены депутаціи даже не видѣли составленнаго А. М. Пѣшковымъ проекта, такъ какъ таковой былъ отобранъ у г. Кедрина при обыскѣ въ ночь на 11 января; такимъ образомъ, какъ текстомъ рукописи, такъ и отмѣтками на поляхъ ея вполнѣ устанавливается, что не только нѣтъ воззванія, но и самое существованіе его поставлено въ исключительную зависимость отъ воли коллективныхъ авторовъ. Согласятся они съ содержаніемъ и формою наброска А. М. Пѣшкова—и тогда набросокъ получитъ осу-

ществленіе; не согласятся—и его нѣтъ вовсе. При такомъ положеніи, въ данномъ дѣлѣ отсутствуетъ не только объективное условіе наказуемости составленія воззванія, но и самое воззваніе,—здѣсь имѣется лишь случай проекта воззванія, обнаруженіе лишь мысли, чувства и настроенія, но не дѣйствіе.

Суммируя свои замѣчанія, защитникъ указываетъ, что прокурорскій надзоръ вызываетъ къ судебному слѣдствію лишь пом. прист. Прекофьева, который при обыскѣ отобралъ рукопись у Кедрина, но не вызываетъ ни самого Кедрина, у котораго рукопись эта найдена и которымъ сдѣлана на ней помѣтка, ни всѣхъ прочихъ членовъ депутаціи, допрошенныхъ на дознаніи. Между тѣмъ допросъ ихъ важенъ, такъ какъ проектъ, составленный подсудимымъ, могъ получить характеръ воззванія лишь тогда, когда они дали бы на это свое предварительное или послѣдующее согласіе. Защитникъ отказывается понять какимъ образомъ обвинительный актъ рѣшается ссылаться на признаніе А. М. Пѣшкова себя виновнымъ въ составленіи воззванія, когда тутъ же рядомъ въ томъ же протоколѣ слѣдуетъ его заявленіе, что онъ „предполагалъ распространить эту записку, если-бъ эти лица одобрили ея содержаніе“.

Защитникъ ходатайствуетъ о вызовѣ въ суд. засѣд. въ кач. свид. К. К. Арсеньева, проф. В. И. Семевскаго, Г. Кедрина, пис. Пѣшехонова, пр. Н. И. Карѣва, Б. Л. Мямотина и Н. Ф. Анненскаго и прис. пов. І. В. Гессена.

Далѣе защитникъ указываетъ, что выводъ обвинительнаго акта по данному дѣлу не заключаетъ въ себѣ никакихъ фактическихъ признаковъ инкриминируемаго А. М. Пѣшкову дѣянія. „На основаніи изложеннаго,—гласитъ обвинительный актъ,—нижегородскій цеховой Алексѣй Максимовъ Пѣшковъ, 35 ти лѣтъ, обвиняется въ томъ, что 9 января 1905 г. въ С.-Петербургѣ составилъ, съ цѣлью распространенія, воззваніе, возбуждающее къ неиспроверженію существующаго въ государствѣ общественнаго строя, причѣмъ распространеніе означеннаго воззванія не послѣдовало по обстоятельствамъ, отъ воли Пѣшкова не зависѣвшимъ“. Но въ чемъ именно и въ какихъ мѣстахъ этого воззванія заключается вышеупомянутый призывъ, въ выводахъ обвинительнаго акта не указано. Въ исторической части обвинительнаго акта приведено цѣликомъ это воззваніе, но двѣ трети его посвящены описанію посѣщенія депутаціей ночью 8-го января г.г. министровъ, изложенію бесѣды съ ними и ихъ отвѣтовъ. На этомъ основаніи защитникъ подаетъ ходатайство о вызовѣ въ засѣданіе свидѣтелей: ген.-ад. кн. Святополкъ-Мирскаго, ст. секр. С. Ю. Витте и ген.-майора К. Н. Рыдзевскаго. Въ заключительной части г. Грузенбергъ доказываетъ, что вопреки малообоснованному требованію г. прокурора, не представляется никакихъ основаній къ закрытію дверей судебного засѣданія по дѣлу А. М. Пѣшкова и къ отправленію въ тайнѣ правосудія надъ писателемъ, участь котораго вызываетъ усиленную тревогу не только на его родинѣ, но и во всемъ культурномъ мірѣ.

„Максимъ Горькій,—такъ заканчиваетъ свое прошеніе г. Грузенбергъ,—во всей его дѣятельности отличается прямодушіемъ и откровенностью. Даже въ тѣ часы, когда брызги пролитой 9 января на улицахъ столицы народной крови пали на его впечатлительную душу и зажгли ее болью, ужасомъ и негодованіемъ, онъ писалъ свой набросокъ только подъ условіемъ подписанія его полнымъ именемъ, какъ имъ самимъ, такъ и остальными член. депутаціи... Писатель, дѣйствующій столь открыто, въ правѣ рассчитывать, что судъ надъ нимъ не будетъ закрытымъ“.